

ГЛАВА 1

Еле передвигая ноющие от усталости ноги, я ползла по бетонной лестнице к себе на четвертый этаж. Каждый шаг словно высасывал остатки сил, и к середине очередного пролета я была готова сдаться. «Какой же удобной кажется седьмая ступенька! — думала я. — Да и доставщику не придется покорять этот Эверест, чтобы отдать мне креветки скампи*...».

Снова и снова повторяя про себя песенку из «Паровозика, который смог»**, я сулила своим уставшим мышцам и гудящим ногам теплую ванну и мягкую постель, как только окажусь дома. Простонав, мысленно сделала заметку на будущее: сначала снять квартиру на первом этаже, а потом выходить на двойные смены!

* Традиционное итальянское блюдо из гигантских креветок в соусе из белого вина и чеснока. — *Здесь и далее прим. пер.*

** Американский мультфильм, снятый по одноименной детской книге о трудолюбии и оптимизме.

Я устала как собака...

Сегодня у меня отменились три клиента, поэтому пришлось принимать всех подряд. Все было бы не так плохо, если бы Линн не взяла больничный и ее клиентов не распределили бы между остальными массажистками. И, конечно, мне достались женщина, от которой разило чесноком, и парень, бесконечно намекавший на массаж со счастливым концом... Фу!

Пора искать новое место. А еще лучше открыть собственное дело и перестать работать на злых сетевиков. Вот только стоимость аренды неподъемна, а делать массаж на дому все равно что повесить на себя ярлык секс-работницы.

Наконец я одолела лестницу. Жаль, руки слишком болели, чтобы триумфально их вскидывать. Устало вздохнув, я вставила ключ в замок и плечом толкнула входную дверь. Все, чего я хотела, — это бокал вина, горячая ванна (почти с меня — мой любимый размер!) и серия «Ведьмака». Только бог знает, насколько мне необходима здоровая доза Генри Кавилла — кто, как не он, удержит меня от мысли переключиться на девушек?

Сумка соскользнула по руке, словно устала не меньше меня и с нетерпением ждала, когда уже можно будет повалиться. Я бросила вещи на черный столик у входа, нарушив тишину пустой квартиры, и сделала глубокий вдох. Ароматы глицинии и лемонграсса наполнили легкие, и стресс от работы начал отступать. Но как только я оказалась среди успокаивающих запахов уютного дома, спину пронзила острая боль. Какая ирония: мне самой нужен

был массаж от боли и ломоты, накопившейся, пока я зарабатывала на жизнь массажем.

Сегодня спонсором моей потребности в обезболивающем стал мистер Нобо. Это был последний клиент за день — соломинка, которая переломила мне спину. Нет, конечно, я за него рада: в его-то возрасте он до сих пор в *такой* форме! Если бы меня привлекали мужчины постарше, я бы точно перед ним не устояла, но я терпеть не могу делать массаж качкам. Не поймите меня превратно: мне нравятся мускулы. Красивое тело — большой плюс, когда я выхожу на охоту за тем, с кем можно было бы провести ночь. Но справляться с защемлениями и расслаблением горы мышц — худшая из всех хардкорных тренировок, если ты не Джиллиан Майклс* (я — нет).

Пока я шла к спальне, в отяжелевшей голове всплыла мысль о креслах скампи. Надо было успеть набрать ванну и включить на планшете Netflix, пока не привезли мой ужин. Второпях я скинула одежду и вдруг, идя через гостиную, заметила на столике цвета эспрессо вещь, которой тут точно не было, когда я уходила утром.

На темном дереве отчетливо выделялся пурпурный бархатный кисет. При виде него меня бросило в дрожь. В охваченном ужасом сознании, словно неисправный фейерверк, вспыхивал то один, то другой вопрос. Я мотала головой, как будто мое «нет» могло отменить свершившийся факт, но на самом деле я уже все поняла. Я отошла от столика, стараясь оказаться подальше от проклятия, которое заявилось без

* Популярный американский персональный тренер.

приглашения и как ни в чем не бывало удобненько устроилось у меня в гостиной.

— Черт, черт, черт! — вырвалось у меня, но даже словечки покрепче не спугнули бы мою находку, не стерли этот момент и все то, что вот-вот должно было произойти.

Но как сюда попал этот кисет?

За что?

Может, он заблудился по пути в свой настоящий дом, остановился передохнуть или что-то вроде того? «Мешочек, я все понимаю, у меня тоже был трудный день...». Но, как бы ни старалась убедить себя в том, что произошла какая-то ошибка, в глубине души я знала: это неправда.

Я схватила свою сумочку. Мобильник! Где этот чертов телефон? И тут звенящую тишину, наэлектризованную паникой, прорезал неожиданный звонок. Трясущимися руками я пыталась открыть сумку. Вытащив наконец разрывающийся мобильник, я тут же выронила его и не успела ответить на звонок. Ударившись об пол, телефон умолк, и злоеющая тишина снова заполнила квартиру, словно густой туман. Я потянулась за трубкой; всплеск адреналина был таким мощным, словно на меня обрушился борец сумо. Дрожащими руками я открыла список пропущенных и набрала номер кузена.

Я снова с тревогой посмотрела на бархатный кисет. Затем ущипнула себя и заморгала: а вдруг все это мне померещилось? Вдруг я потеряла сознание и оказалась в долбаном кошмаре?

Не успел прозвучать первый гудок, как мне тут же ответил звонкий тенор.

— Лени? Ты уже слышала? — выпалил запыхавшийся Тад вместо привычного дружелюбного приветствия.

— Они здесь, — выдохнула я, прервав его на полуслове. — Они, блин, *здесь!* — Я выкрикнула это в трубку, а то вдруг он не расслышал меня с первого раза.

Тад замолк, потрясенный этим жутким открытием не меньше меня.

— Вот дерьмо, — растерянно прошептал он, и я согласно кивнула, хоть он меня и не видел.

Некоторое время мы оба молчали.

— Гвен будет рвать и метать, — наконец выпалил Тад, и я принялась тереть виски.

«И правда. Об этом я совсем не подумала». Но пока что задвину эту мысль поглубже. Буду разбираться с проблемами по одной.

— Как это произошло? — выдохнула я.

Трепет постепенно заполнял те трещины в сознании, куда еще не успел проникнуть парализующий страх.

— Маме позвонили десять минут назад.

— Как? — спросила я.

На место удивления и тревоги постепенно заступало осознание. Все начало вставать на свои места. Реальность подобралась ко мне, чтобы врезать прямо в лоб.

— Говорят, она умерла во сне.

— Следов некромантов не было?

— Нет, никаких следов внешней магии. Это точно произошло по естественным причинам, — заверил Тад.

— Охренеть... — Я поникла, закрыла глаза и откинула голову назад от безысходности.

— Леннокс Марай Оссеус, следи за языком! — слышался приказной тон тети Хиллен.

С рассерженным рыком я убрала телефон от уха и сделала вид, что хочу его придушить.

— Почему мы на громкой связи? — спросила я, но кузен пропустил все мимо ушей, пока шептал матери: «Они у нее».

— Да уж, охренеть! — вырвался изумленный возглас у тети Хиллен, и я подавилась нервным смешком.

Слышно было, как Тад тоже прыснул со смеху. Не припомню, чтобы тетя хоть раз выругалась при ком-то из нас. Если бы ситуация действительно не была настолько дерьмовой, я бы нажала кнопку записи и заставила бы ее повторить это.

— Надо позвонить Магде! — взволнованно выпалила тетя Хиллен; в ее голосе отчетливо слышалась тревога. — Держу пари, прямо сейчас они с Гвен рыщут по всем углам в поисках кисета.

В ее голосе прозвенели нотки превосходства. Могу поспорить, вся остальная родня будет в восторге, ведь Магда и ее дочурка, чопорная мерзавка, не получают ни костей, ни власти, которой те наделяют своего обладателя. Это должно было немного меня утешить, но в глубине души я молила, чтобы вместо меня избрали кого-нибудь другого.

Тетя Хиллен торопливо поздравила меня и поспешила удалиться, чтобы распространить плохие вести дальше: она всегда мечтала сообщить нечто подобное заносчивой части нашей семьи.

Тад посмеялся над тем, как легко его мать переобулась на ходу, и даже у меня промелькнула улыбка, несмотря на дерьмо, в которое я вляпалась по уши.

— Кажется, это лучшее, что произошло в жизни мамы за последние десять лет, Лени. Черт, теперь мне придется звать тебя Леннокс, или ты предпочитаешь обращение «*О великая и ужасная*»? — подначил меня Тад.

— «Высшее существо» будет в самый раз, — невозможно выдала я, пытаясь справиться с очередным приступом недоумения и досады. — Блин, со мной теперь все будут общаться настолько формально?

— Ну, поскольку ты была избрана следующим Верховным стояком, ой, то есть Верховным остеомантом, — скорее всего, именно так.

Слышать, *как* он назвал меня, было дико странно, но еще больше страшило нечто внутри меня — то, чего я всегда избегала и что отказывалась признавать сейчас, хотя теперь все встало на свои места. Я — следующая костяная ведьма. Издав разочарованный стон, я провела рукой по лицу.

— Что мне, черт возьми, теперь делать? Может, есть шанс на перевыборы или что-то типа того? — бормотала я, совершенно не заботясь о том, что с каждого моего слова остывшей патокой стекает ныть.

Я вздохнула и задумалась о том, как воспримут эту новость остальные.

— С какой вообще стати кости выбрали *меня*?

Я сползала по стене у столика при входе, пока не уселась на пол; меня придавило тяжестью осознания, словно мешками с песком.

— Ты знаешь, как это происходит, Леннокс. Все мы знаем. Рано или поздно бабушки Руби не стало бы, и после этого кости избрали бы на ее место одного из нас, — напомнил мне Тад менторским тоном, переходящим в сочувственный.

— Да, но *все* мы думали, что они выберут Гвен. Магда постоянно твердила, что ее дочурка уже в семь лет научилась гадать.

Обняв колени и прижавшись к ним лбом, я признала поражение и принялась оплакивать свои планы на жизнь.

— Все, о чем эта стерва может гадать, — это наследство, прилагающееся к пурпурному мешочку с костями, остальное — для отвода глаз. Лени, костям нужна была именно ты. Если бы не тебя избрали, их бы там сейчас не было. — Тад сделал паузу, и я услышала что-то вроде сдавленного смешка.

— Это не смешно, — возразила я.

— Ну, не особо, Великая заклинательница костей! Но я смеюсь над тем, что направил на тебя всю мощь своего духовного наставничества, а не потому что ты избранная. Я как Хагрид, Оби-Ван, Хеймитч* и Хлои в одном лице — да *это* же просто умора!

— Хлои?

— О да, детка! Самая продуманная оторва из всего семейства Кардашьян. При первой же возможности она легко стала бы духовником. — Тад оправдывался, будто во всем этом был хоть какой-то смысл. — Да я прямо секси Йода! Поверь мне, Лени:

* Хеймитч Эбернети — ментор главной героини трилогии «Голодные игры».

если ты нужна костям, не денешься от них никуда ты. Бесполезно сопротивление! — заявил он гнусавым голосом, больше напоминающим голос Кермита*, чем Йоды.

— Совсем? — пролепетала я.

— Помнишь истории о том, как прапрапрадедушка Лаун пытался избежать своего предназначения? Что бы ты ни делала, в итоге тебе все равно никуда не деться.

В голове пронеслись истории о предках, которые пытались уклониться от выбора костей. Однажды ночью дедушка Лаун подавился реберной костью в собственной постели. Но самым странным было то, что это произошло во сне. А если учесть, что он был вегетарианцем, для любого постороннего причина смерти осталась бы неразрешимой загадкой. Однако вся наша семья знала: либо ты считаешь кости, либо они выберут следующего в роду, кто будет чтить их вместо тебя.

Я подняла голову и посмотрела на столик снизу — туда, где с обратной стороны лежал кiset со священными костями. Раз они появились здесь, значит, я была избрана одним из немногих оставшихся в мире остеомантов. Все мои мечты и планы на будущее рассыпались в прах. Какой-то пурпурный мешочек разрушил всю мою прежнюю жизнь.

На душе было тоскливо и тревожно. *«Что мне, черт возьми, теперь делать?»* Тад продолжал что-то говорить, но я не улавливала ни слова. Мне

* Лягушонок Кермит — персонаж кукольной телепередачи «Маппет Шоу».

хватало сил лишь на то, чтобы медленно встать и неохотно приблизиться к столику с ненужными мне костями в пурпурном бархате. Кисет был таким невзрачным — ну просто сама невинность, но я-то знала, насколько это далеко от истины. Кости, хранящиеся в нем, пробудят дремлющие внутри меня способности и откроют мне мир тайн, подобных которым я и представить себе не могла.

Нет, это не письмо из Хогвартса, в ожидании которого я заглядывала в дымоход в школьные годы. Кисет с костями означал лишь вечное служение, страдание и одиночество.

Когда я потянулась за мешочком, до меня донесся аромат пачули, жженого кедра и горячего сахарного печенья, только что вынутого из духовки. Внезапно я почувствовала, что бабушка рядом, что она поддерживает меня и делится со мной своей силой. Тепло окутало меня, и тут я осознала: кости у меня в доме означают лишь одно — бабушки больше нет.

По всей груди разлилась ноющая боль: неужели бархатный кисет на столе оказался для меня важнее смерти бабушки? Меня охватил стыд; я резко вдохнула — но глаза все равно щипало. Поверить не могу!

Перед мысленным взором возникло лицо бабушки. Ее смуглая кожа с морщинками и густые седые волосы с неизменной короткой стрижкой, *«потому что не каждый осмелится укротить кудри пожилой леди»*, как часто жаловалась она. Ее светло-карие глаза и искорки во взгляде, который мгновенно из сурового становился озорным и добрым; ее

истончившиеся от возраста губы, изогнутые в дерзкой улыбке...

Никогда больше при входе в ее пропахшую благовониями лавку никто не встретит меня с таким же остроумием и пониманием, как делала она. Тонкие руки не сожмут меня в крепких объятиях и не помогут справиться с любыми проблемами. И я не услышу ее уверенный успокаивающий голос, ведь она больше не позвонит просто так или чтобы попросить о помощи в поисках ингредиентов — это никогда не было ее сильной стороной. Ее находчивость, ее сияние, ее здоровый пофигизм... Ничего этого больше нет.

Бабули Руби не стало, и я не представляла, как справиться с этой утратой... Не говоря уже об обязанностях, доставшихся мне в наследство.

Голос Тада вырвал меня из грустных мыслей. Опустив взгляд, я поняла, что все еще держу в руке трубку. Я поднесла ее к уху, но сердце было намертво сковано печалью.

— Не могу поверить, что ее больше нет, — глухо прошептала я, и от принятия суровой реальности стало еще тяжелее.

Тад тут же прекратил болтовню и, помолчав пару секунд, выдал:

— Да. Трудно представить этот мир без ее сварливой задницы.

Не в силах сдержаться, я прыснула от смеха. Веселье прорвалось сквозь скорбь, охватившую меня, и я зацепилась за него, как за спасательный круг.

— И чего я удивляюсь? Она же лет десять ворчала, чтобы мы все отстали и дали ей спокойно умереть, — вспомнила я, грустно усмехнувшись.

— Эта старая перечница, наверное, сейчас залива-
ется смехом. — Тад никак не унимался, но в его го-
лосе отчетливо звучали нотки печали.

— Думаешь, она знала? — спросила я его, прервав
повисшее тягостное молчание.

Я поймала себя на мысли, что теперь наши от-
ношения с бабушкой раскрылись с новой стороны.
Каждая улыбка и пытливый взгляд, каждая сказан-
ная ненароком маленькая уловка — знала ли она, что
однажды кости окажутся у меня на столе?

— Леннокс! — прокричал Тад, и его требователь-
ный голос вырвал меня из потока размышлений. —
Ты меня слышала?

— А? — отозвалась я, одним лишь звуком дав ему
понять, что все прослушала.

— Ты же уже поставила свою печать?

— На кости?

— Нет, на Стивена Джеймса*, — огрызнулся Тад
после драматической паузы. — Конечно, на кости!

Скрепя сердце я отмахнулась от образа кра-
савчика в татуировках, на которого мы с кузенном
пускали слюнки и социальные сети которого про-
сматривали часами, и попыталась сосредоточиться
на словах Тада.

— Нет. Я увидела кисет, испугалась, поняла, что
моя жизнь рухнет на лету, как сбитый самолет,
а потом позвонила тебе.

— Леннокс, какого хрена? — выругался он. —
Мам, ну хоть ты не начинай! — Защищаясь от тети-

* Стивен Джеймс — бывший футболист, модель с татуи-
ровками по всему телу.

КОСТЯНАЯ КОЛДУНЯ

ных воплей на заднем плане, он сдал меня: — У Лени там кости не запечатаны!

После непродолжительной возни в трубке раздался пронзительный визг моей тети Хиллен.

— Леннокс Марай Оссеус, не тяни kota за яйца! Ты хоть соображаешь, что творишь? — орала она на меня.

Я вздрогнула, а тетя Хиллен притихла, словно действительно ждала объяснений.

— Ну... Жду, пока они не выберут кого-нибудь другого?.. — попыталась отшутиться я.

Но услышав, как тетя чуть не задохнулась от возмущения, осеклась.

— Лени, это *ты*. Ты — следующий остеомант. Прекрати паясничать и отнесись к этому серьезно, как тебя и учили с самого детства, — отчеканила она и отключилась.

Я убрала трубку от уха и задумчиво смотрела на светящийся экран, пока он не погас. Затем положила телефон на стол и взглянула на бархатный кيسет. Во мне боролись нерешительность и осознание неизбежности того, к чему меня готовили всю жизнь. Сделав глубокий вдох, я потянулась к мешочку.

Да пошло оно все... Терять было уже нечего.

